

НАТАЛЬЯ ОЖЕРЕДОВА

ЖИЗНЬ КАК МИГ

Наталья Ожередова

Жизнь как миг

«Издательские решения»

Ожередова Н.

Жизнь как миг / Н. Ожередова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963266-1

Жизнь быстротечна. Это понимание мира приходит к нам с годами. А вокруг происходит столько событий! Мы встречаемся на жизненном пути с огромным количеством людей. И жизнь каждого — роман. Мне просто захотелось рассказать вам о моих бабушках, о мире вокруг меня. О тех событиях, которые происходили в моей жизни — служба сына в армии, рождение внуки. И просто о том, что приснилось мне во сне.

ISBN 978-5-44-963266-1

© Ожередова Н.
© Издательские решения

Содержание

Лизонька, Лизка, Лизавета, Елизавета Павловна. История одной семьи	6
Лизонька	6
Лизка	9
Лизавета	12
Елизавета Павловна	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Жизнь как миг

Наталья Ожередова

© Наталья Ожередова, 2019

ISBN 978-5-4496-3266-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лизонька, Лизка, Лизавета, Елизавета Павловна. История одной семьи

*Нашим бабушкам, пережившим революцию,
Гражданскую и Отечественную войны,
репрессии, разруху, ПОСВЯЩАЕТСЯ...*

Лизонька Год 1918, 20 октября

В маленькой удмуртской деревеньке промозглой ночью, когда непонятно что творится на улице – или зима, или осень, – помятая старуха вышла на улицу и, сжав маленькие кулачки, зарыдала. Взахлеб, без остановки, качая сморщенным личиком. Протяжно всхлипнув, вдруг замолчала и, резко повернувшись, почти побежала в дом. А там, в добротной избе-пятистенке, на полу, у кровати, залитой кровью, рыдал молодой мужчина. На кровати лежала его скончавшаяся жена. Тело ещё не остыло, и Павел (так звали мужчину) все гладил ее руку, такую теплую, мягкую, родную. Его Лиза оставила его. Его, который любил ее, который не мог представить жизни без нее. Без ее мягкого смеха, тихой походки, нежной улыбки.

Он долго не мог понять, что говорит ему бабка-повитуха. Голова стала пустой и гулкой – никаких чувств, эмоций, мыслей. Он не желал никого ни слышать, ни видеть. А особенно того, кто стал причиной смерти Лизы. Его даже не интересовал пол ребенка. Какая разница – мальчик это или девочка, голубые глаза у него или карие, жив он или мертв. Он ненавидел его! Лучше бы его совсем не было!

А может быть... Да! Именно так он и сделает: «Этот ребенок уйдет вместе с матерью туда, откуда не возвращался еще никто! Пусть он никогда не увидит солнца, не услышит шума листвы в лесу, не зачерпнет воды в речушке, что течет возле деревни... Пусть! Пусть! Пусть!»

Он бежал с ребенком по деревне. Остановился у колодца. Все. Здесь. Сейчас. И вдруг он увидел глаза того, кого хотел убить. Пронизывающий взгляд зеленых глаз, проникающий в самое сердце, в самую душу. Взгляд не новорожденного. Взгляд умудренного жизнью человека. Эти глаза не укоряли, не умоляли, не ненавидели. Они смотрели с жалостью. С жалостью и сочувствием.

«Лиза! Лизонька! Девочка моя!» – он прижимал к себе невесомое тельце и уже точно знал, знал, знал – это его доченька, его ангел. Его Лиза!

«Папа! Папа! Папа!» – его счастье бежало к нему, а он, сидя на завалинке, курил самокрутку и не мог представить, как бы он жил, если бы тогда, 10 лет назад, совершил страшное. Павел тряхнул головой, отгоняя тяжёлые мысли, и протянул руки к своей доченьке.

Лиза жила вдвоем с отцом и с бабкой Глафирой, дальней родственницей отца. Жили в достатке. Дом был полной чашей. У отца как-то все легко получалось. Если купит что – так по дешевке, если продаст – то подороже. Если сказал, сеет рожь, значит, будет урожай ржи, а скажет – лён, значит, лён уродится. Деревенские удивлялись, не знали, что и думать. Уж не колдун ли он? Судачили, что дружит Павел с нечистой силой, она-то ему и помогает. Вон взгляд у него какой – сердце останавливается.

Лизонька слушала да посмеивалась: «У других-то папки и пьют, и мамок бьют. А мой – самый добрый, самый хороший на свете. Он мне и за тятку, и за мамку». Здесь Лизонька тяжело вздыхала: маменьки-то у нее не было.

А ещё были у Лизоньки мысли тревожные, беспокойные, брови сходились к переносице от раздумий: не давал ей покоя сундук на чердаке, полный книг. Были там две особые книги, которые она даже в руки боялась брать – «Белая магия» и «Черная магия». Так на них было написано. Может быть, и правда отец колдун, раз такие книги у них дома хранятся?

А тот и не догадывался, что Лизонька и ключик давно нашла, и сундук открывала, и те книги листала не один раз.

«А ну и ладно! Уж если он и колдун, то добрый. А вот тетка, маменькина сестра, – злюка! Вот она и есть самая настоящая ведьма!»

Многого не понимая, Лизонька чувствовала, как ненавидит их тетка.

Однажды ночью Лиза видела, как она с распущенными лохматыми волосами валялась в ногах у отца и все просила взять ее (вот только куда, девочка так и не поняла), обещала быть хорошей матерью ей, Лизоньке.

«Враки», – думала Лизонька и, закрыв глаза, все просила покойную маменьку выгнать тетку из дома. Однако это сделал отец. Тётка этого ему не простила, затаила злобу и ждала только подходящего случая, чтобы отомстить.

Лизонька росла счастливым ребенком: у нее был любящий отец, она не знала отказа ни в чем. Да и вся деревня ее любила. За смех, за звонкие песни, за доброту и мягкость характера.

А когда стала Лизонька подрастать, она поняла, что мальчишки смотрят на нее по-особому. Тятенька все пытался ей что-то объяснить, что парням веры нет, что себя блюсти надобно. Да только все это было непонятно Лизоньке. Да и вообще многое тогда было непонятно! Революция. Гражданская война. Коллективизация. Раскулачивание. Враги народа...

Павла, как грамотного, справедливого человека и хорошего хозяина, выбрали председателем колхоза. Деревня надеялась, что все они заживут, как и Павел, – в достатке.

Действительно! Как-то стало все в деревне ладненько: и работа была, и достаток был, и голодные годы пережили. Но радовались деревенские недолго. Пришли активные ребята в «кожанках» и стали выяснять, не пролез ли кто в колхозники из кулаков. Стали зажиточных мужиков с их семьями допрашивать да измываться. Многих арестовали, посадили в телеги и повезли в райцентр.

Тот роковой день стал последним светлым днем ее жизни, и Лизонька запомнила его навсегда.

Тогда отец впервые сильно напился – до невменяемости, как мужики в деревне. Не выдержал Павел, сорвался. Нес какой-то бред о наказании божьем, о несправедливости, а потом ушел из дому.

Вернулся через час – довольный, успокоенный и даже протрезвевший. А в доме витал запах горя, обреченности и чего-то страшного. Лизонька не могла там находиться. Выбежав на улицу, растерялась. Было такое чувство, что в деревне все вымерло, – не кричали петухи, не лаяли собаки, даже ветер стих, и ни единого человечка на улице. Тишина!

Соседские мальчишки, затаившиеся в зарослях иван-чая, рассказали Лизоньке, что сотворил её отец. Оказывается, Павел, выйдя на улицу, догнал «кожаных» активистов-комсомольцев у околицы деревни, остановил их. Он ничего не сделал, просто посмотрел им в глаза. Комсомольцы притихли и вдруг стали раздеваться: сняли рубахи, портки и все остальное. Вещи сложили на телегу ровными стопками, отпустили всех арестованных и на пустых подводах поехали в райцентр. Голышом!

Вот и подтвердились самые ужасные предположения крестьян: Павел – дьявол!

Деревня затихла, затаилась в ожидании страшного. Все понимали, что это не сойдёт ему с рук.

Поздно вечером людей разбудили всадники, ворвавшиеся в деревню. Дома взорвались криками женщин, плачем детей, матюгами мужиков. Всех согнали на околицу. Требование было одно – назвать имя того, кто «поглумился» над представителями новой власти.

В гробовой тишине замерли люди. Можно было оглохнуть от этой тишины. Молчали все – и дети, и взрослые, даже младенцы молчали. Так и стояли – пять минут, десять минут...

Вдруг Лиза увидела свою тетку и сразу поняла, что сейчас будет. Она бросилась к ней, хватала за руки, рубашку, глазами умоляла молчать. Но та не смолчала – указала на Павла.

Отца избили на глазах всей деревни. Бесчувственного бросили в телегу и увезли... А утром в дом вошла тетка со своими мужем, детьми и скудным скарбом. Молча схватила Лизоньку за косы, протащила по всему дому, швырнула в чулан, вскоре здесь оказалась и старая Глафира.

С тех пор уже никто не называл её Лизонькой. «Лизка!», – разносился теперь по дому по-хозяйски зычный теткин голос.

Не стало счастливой Лизоньки, осталась Лизка.

Лизка

«Тятенька, тятенька, возьми меня к себе!» – просила Лиза, веря, что отец жив. Ждала его каждый день, каждый час, каждую минуту.

Жизнь Лизы превратилась в ад. Утро начиналось в четыре, а день заканчивался поздним вечером, почти ночью. Она чистила коровник, убирала навоз, стирала, работала в поле. Ела то, чем кормили скотину. Все ее наряды носили двоюродные сестры.

А тут новое несчастье. Повадился к тетке активист-комсомолец из района (обидно, но его тоже звали Павел). Глаз на Лизку он положил еще при отце, но тот и близко не подпускал его к своей доченьке.

А сейчас девчонке уже 16 стукнуло. Красавица такая, что даже старые тряпки не могли скрыть стать, красоту, врожденную культуру, образованность. Приезжая к тетке, Павел пытался перехватить Лизу в темном углу, хватая девушку своими пальцами, похожими на сосиски, то за грудь, то за бедра, то пытался целовать слюнявыми губами. Это было противно, мерзко.

Лиза не понимала, что, вырываясь, царапаясь, ругаясь, она только возбуждала парня. И однажды утром в амбаре случилось то, о чем Лиза не хотела и думать. Никогда! До последних дней своей жизни об этом дне она если и вспоминала, то только с отвращением.

После случившегося «любезней» она не стала и простить Павла не смогла. Она уже не боялась, ей казалось, что ничего страшнее того, что с ней уже произошло, и быть не может. Она ошибалась...

На дворе стояла осень. В неказистой одежонке Лиза управлялась по хозяйству. Приехали вооружённые люди из райцентра и увезли её в чём была. Хорошо хоть ватник на ней был да теплые чулки.

Трудно сказать, что испытывала Лиза, когда её забирали. Скорее всего, это был страх. Липкий, душный страх.

Её не судили, не держали в тюрьме, не допрашивали – ее просто бросили в теплушку. Людей там было немного: старики, женщины и мужчины. Никто не знал, что их ждет – повезут их куда-нибудь или просто расстреляют? Кормили как скотину: брюква, репа, зерно, заплесневелый хлеб да ведро воды. Туалет – просто дырка в углу. Сначала все стеснялись друг друга: справляли нужду, прикрываясь хоть чем-нибудь. А потом уже и не стыдно стало.

В какой-то момент открылась дверь теплушки и солдаты что-то забросили в вагон. На первый взгляд показалось, что это просто мешок. Никто и внимания не обратил, а Лизу словно что-то толкнуло к этому грязному, окровавленному мешку. Оттуда неожиданно раздался стон, и Лиза узнала голос отца. Дрожащими руками развернула задубевшую от крови ряднину и перестала дышать, не веря своим глазам: в кровавом месиве того, что совсем недавно было человеком, она узнала своего любимого «тятеньку». Страшно было представить, что он пережил. На нем не было живого места – весь в кровоподтеках, с разбитым, опухшим лицом, все ногти черные, а на спине – вырезанная звезда. Кто мог это сделать? За что? В чём он был виноват? Это активисты в «кожанках» не простили ему свой позор и отомстили страшно, цинично. Но самое главное – отец был жив!

Взглянув на него, кто-то обречённо махнул рукой и сказал: «Не жилец он, девка! Не жилец! Что уж теперь горевать?»

Лиза не помнила, как они ехали, что происходило в теплушке. Все её мысли были об отце: «Только бы выжил!!» Ухаживала как могла: отпаивала растаявшим снегом, пережевывала зерно и кормила его как грудничков в деревнях – «с тряпочки».

И Павел выжил! В этом мире он ещё не всё сделал – теперь он должен был спасти свою дочь.

Привезли их в те места, которые в будущем станут синонимом ужаса и кошмара сотен тысяч людей. Колыма!

Их лагерь находился на острове. Бараки с нарами в три ряда, куда заселили всех вместе, не разбирая, мужчин и женщин, детей и стариков. На это никто уже не обращал внимания – люди были сломлены духом, завшивевшие, изнуренные. Они могли сидеть часами, не двигаясь, не шевелясь, ожидая очередной команды.

На этом кусочке забытой богом земли не было ни змей, ни жаб, ни ящериц... Даже птицы не садились на ветки деревьев.

Еды не хватало. Её просто не было. Продукты на остров не завозили, на работе кормили баландой. Первыми стали умирать дети и старики. Десятками... Сотнями... Но нары никогда не пустовали – привозили всё новых и новых обреченных на голодную смерть. Пошли разговоры о каннибализме.

Голодными Лизе ночами снились шанежки. Она воочию видела, как бабка Глафира месит тесто, как оно подходит в квашне, как она, Лиза, толчет картошку, щедро добавляя масло, яйца. И вот они начинают с Глафирой разделявать тесто – отщипывают маленькие кусочки, скатывают их в шарики. А спустя время на железный лист, смазанный смальцем, раскладывают ровными рядами разбухшие шарики теста, сразу превращая их в лепешки. И вот на эти-то лепешки выкладывают они с Глафирой картофельное пюре – густо, не жалея. А сверху смазывают яйцом. На лопату и – в печь.

Радостная, она просыпалась от запаха свежеевыпеченных шанежек и парного молока. Открывала глаза и видела только тёмную злую мглу, а живот сводило судорогой от голода. Ну хоть бы крошку, хоть бы крошечку какой-нибудь еды! Ничего!

На работу добирались по льду. Когда он растаял, все увидели, что вокруг сплошное болото. Когда охрану сняли, люди поняли, что обречены и весну не переживут. Бежать некуда, а выход только один – гать через вязкую, непроходимую трясину!

Однажды ночью неожиданно ударил мороз, трясина покрылась корочкой льда и стала более-менее проходимой. Природа как бы давала обречённым людям возможность выбраться из лагерного ужаса. Хотя бы детям!

Надо было торопиться, пока скудное весеннее солнце не растопило последнюю надежду на спасение.

Ранним утром отец разбудил Лизу и они вышли на улицу. Там их ждали несколько человек – взрослые и подростки Лизино возраста. Детей перекрестили и отправили с острова. С малой надеждой, что хоть кто-нибудь из них останется жив и доберётся до большой земли.

Лиза знала, что видит отца в последний раз. И он знал, что видит её в последний раз, но верил, что она выживет и будет жить – за него и за мать.

Знал он и то, что ему недолго оставалось ходить по этой земле, но страха не было: ведь его ждала встреча с любимой женой. В небесном раю! В вечности!

Три мальчишки и девочка несколько месяцев добирались домой в Удмуртию. Один не дошел – на полном ходу вывалился из ящика под вагоном, в котором они ехали.

Когда Лиза пришла в свой дом, тетка не пустила её даже на порог, не дала ни куска хлеба, ни кружки молока. Спасибо соседям: и накормили, и искупали в бане, и приодели.

В родной деревне её уже ничего не держало: родителей не было, дома не было, будущего здесь тоже не было. Уходя, Лиза лишь оглянулась и дала себе зарок, что больше никогда сюда не вернется.

Через несколько десятилетий тетка, умирающая в страшных муках от рака, на смертном одре будет звать её, будет просить у нее прощения за свою подлость, за страдания, которые пережила Лиза и за загубленную жизнь её отца. Но Лиза не поедет и не дрогнет ее сердце от слез двоюродных сестер. Только и скажет: «Это наказание божье. Все мы должны отвечать за свои поступки».

Лизавета

Они встретились в Глазове на вокзале. «Лизавета!» – услышала она. Павел! Краснощечный, упитанный, облаченный властью, которого она так пыталась забыть все эти годы. Ирония судьбы: первым человеком, которого она увидела и услышала в этом городе, стал именно он.

Лиза подумала: «Я его ненавижу!» Павел подумал: «Я ее люблю!»

Благо, что ни на отца, ни на дочь не было заведено дел и не было решений суда. Поэтому Павел без проблем сделал ей документы; взял в жены, отправил учиться в медицинское училище. Там она стала лучшей на курсе.

Она варила щи, стирала, училась... и ненавидела Павла каждой клеточкой своего тела.

Дом был полной чашей. Он делал все, чтобы жизнь Лизаветы была лишена сложностей, бытовых проблем: покупал ей самые лучшие вещи, духи, косметику. Вскоре родился сын Виктор. «Победитель!» – восклицал довольный Павел. Через четыре года родился Юрка. «Земледелец!» – говорил Павел.

Он откладывал все дела и бежал домой, чтобы наверстать упущенное за эти два года. А она жила как обреченная на казнь, и Павел натывался лишь на взгляд, полный презрения, ненависти и, как ни странно, жалости.

От тоски он начал пить и вскоре после рождения второго сына заболел водянкой. Мучился страшно. Лишнюю воду из «лягушачьего живота», дряблого и распластанного, откачивали постоянно, но она появлялась вновь.

У Павла начался перитонит. Лиза понимала, что муж умирает, но жалости к нему не было. Перед смертью он просил у Лизы прощенья, но и в эту скорбную минуту она его не простила. Даже то, что он окружил её заботой и обеспечил благополучную жизнь, не смогло смягчить ее сердца.

Так, непрощённым, он вскоре и скончался. Похоронили Павла на сельском кладбище, а рядом с могилкой сыновья посадили две елочки.

За свою долгую жизнь Лиза приходила сюда не больше пары-тройки раз. Даже спустя много лет она ничего не забыла и не простила. «Это кара божья», – считала она.

В 22 года Лизавета осталась одна – без родителей, без мужа, с двумя детьми на руках. Надо было как-то жить.

Лизавета разыскала бабушку Глафиру. Стали жить все вместе: старушка досматривала детей, а Лизавета пошла работать фельдшером.

22 июня 1941 года началась война. Казалось, что она так далека от Удмуртии, скоро-скоро закончится и обойдёт их семью стороной.

К тому времени Лизавета работала в госпитале. Глафиры уже не было в живых. Мальчишки подросли, но без «догляда» порой выкидывали такие коленца, что Лизавета не знала, что и делать: отлупить сорванцов или посмеяться всем вместе.

Уходя на работу, Лизавета закрывала детей в доме. К дому примыкали хозпостройки. Мальчишкам очень хотелось на улицу – а как выбраться? И вот неугомонные сорванцы нашли выход – отдушина над выгребной ямой. Старший-то пролез, а младший, Юрка, сорвался вниз. Старшой подхватил – спас мальчика, но мальчишка до пояса был испачкан в фекалиях. Аромат стоял еще тот! Однако они как ни в чем не бывало отправились к матери в госпиталь – отмыть-то кто будет? Мамка, конечно! Вот такие, благоухающие, и ввалились пацаны в госпиталь. И что же с ними делать? Правильно! Сначала помыть, а затем отлупить. Раненые, зная жесткий характер молодой женщины, как знак утешения сахар Юрке совали уже при выходе из госпиталя. Жители районного центра не один год вспоминали этот случай.

Профессиональных медиков не хватало. Лизавета работала без выходных, домой приходила лишь на несколько часов. Всем было трудно, не только им. Жили как-то...

В 1943 году война подобралась к их семье совсем близко.

Как-то утром, ещё до начала смены, Лизавету вызвал начальник эвакогоспиталя. В кабинете находился еще один мужчина, при одном только взгляде на которого у женщины мурашки побежали по спине и дохнуло холодом Колымы.

«Фронту нужны профессионалы. У тебя два варианта. Первый: детей в детдом, сама на фронт. Второй: с детьми в санитарный поезд. А вообще-то, есть третий вариант – догадайся какой?» Какой – она поняла сразу! Лагерь! Второй раз оттуда она не выберется.

Мозг работал быстро и чётко. Детей в детдом? А если она погибнет на фронте? Кому они будут нужны? А если и выживет, найдет ли она их? А в санитарном поезде уж если и погибнут, то все вместе.

Взгляда Лизавета не отвела и через секунду отчеканила: «Санитарный поезд».

Уже через сутки ее с детьми в компании с другими женщинами-медиками отправили в Челябинск, где формировался санитарный поезд. Она оказалась не одна с детьми, были ещё товарки по несчастью. Коллектив санитарного поезда был замечательный: дружный, работающий. В ящиках под вагонами держали кур – были и яйцо свое, и мясо. На крышах вагонов выращивали зелень. Пели песни по вечерам, мотали бинты, намывали вагоны и опять пели. Стучали колеса, мелькали деревья и домики за окнами. Вдруг взрывы, пламя, крики – состав бомбили немецкие самолеты. Так Лизавета поняла, что они уже на фронте или в прифронтовой полосе.

Сколько потом за два неполных года было таких бомбежек, обстрелов. А сколько раненых прошло через ее руки, она и вспомнить не могла.

А дети? Ребяtiny разместили в отдельном купе: были здесь и груднички, и дошколята, и дети постарше. Матери «забывали» о них порой на сутки. Ребята затихали в своем купе, когда военные действия шли совсем рядом. Окошко им закрывали досками. Свечка горела в прикрученной к стене гильзе. А они молчали, не требовали ни воды, ни еды, не просились на горшок. При резких остановках поезда детки падали, случалось, ломали руки, ноги, но гипс им накладывали в последнюю очередь, когда оказывалась помощь раненым и заканчивались операции.

В детском купе оставались только малыши, а те, кто постарше, шли помогать матерям.

Мужчин в команде санитарного поезда практически и не было. Зато были раненые бойцы, изголодавшиеся по семьям. Они несли деткам сахар, шоколад, леденцы, смотрели на них мокрыми от слёз глазами. И неважно, были они крестьянами или рабочими, учителями или инженерами... Все они были уставшими от войны мужиками, и во взгляде их была тоска. Жуткая тоска по дому, по детям, по семье.

Вот среди этих раненых, искалеченных войной людей Лизавета встретила его – ленинградца Василия. Того человека, который пробудил в ней женщину.

Первый раз она увидела его на операционном столе. «Жаль мужика, такой молодой, а без руки, да еще и правой», – думала Лизавета, ассистируя хирургу.

А он увидел ее впервые на перевязке и не смог скрыть восхищения: «Какая красавица!» И как-то так стало получаться, что постоянно стали они встречаться... правда, пока только глазами – в вагоне, в перевязочной, на остановках. А когда Василий узнал, что Лизавета молодая вдова да что у нее два пацаненка, встречи стали преднамеренными. И тогда в своих мыслях к слову «красавица» он стал добавлять – «Моя!». Она не была против. Наконец-то Лиза поняла, что такое любить, а не только быть любимой. Она старалась наверстать все, что было упущено за эти годы. Покойный муж постепенно растворялся в ее воспоминаниях, а вскоре и совсем ушел из ее жизни.

Василий остался работать в поезде. Инвалидом назвать его было невозможно – одной рукой он делал все. Ему мог позавидовать любой здоровый мужчина.

Так все вместе, вчетвером, они и закончили войну в 1945 году в Кенигсберге.

Вернулась Лизавета в поселок с полноценной семьей. Устроилась работать в больницу фельдшером. Несмотря на все трудности послевоенной поры, для Лизаветы это были лучшие годы. Муж. Мальчишки. Работа. Дом. Что надо еще женщине, чтобы чувствовать себя счастливой? Лизавета светилась от счастья.

Работая в районной больнице, Лизавета часто ездила (или ходила пешком) мимо кладбища, на котором был похоронен Павел. Но сердце ни разу не екнуло, только взгляд безразлично скользил по елочкам: «А Юркина-то побольше будет!» И действительно, Юркина елочка, посаженная на могиле отца, росла быстрее Витькиной. Да и мальчишка с годами все больше походил на отца, а вот Виктор – нет. Он становился копией покойного деда Павла. Та же поступь, осанка, речь. Да и хозяйственный такой же. Не то что Юрка.

На семейном совете было принято решение, что Лизавете необходимо учиться – она должна стать врачом. Собирались недолго и уехали в Ижевск. Она стала и учиться, и работать. Василий – смотреть за детьми, вести хозяйство. Он еще умудрялся заработать – мужиков-то не хватало, а как без них то гвоздь забить, то примус починить, то валенок подлатать.

Год за годом пролетели незаметно. Лизавета получила диплом и в поселок вернулась уже врачом Елизаветой Павловной.

Елизавета Павловна

45 лет. Боже мой, неужели ей уже 45? Когда-то, лет тридцать назад, ей казалось, что 45 лет это уже глубокая старость. Ан нет. Вот она, красавица. Девушка в теле, заведующая инфекционным отделением районной больницы. Господи, да не девушка она, а уже бабушка. Старший Виктор привел молодую жену Лидочку. Ростом – полтора метра, а сам-то оболтус два метра. И как они целуются? С табуреткой, что ли, ходят? Да это и не важно. Внука Сашеньку они уже через полгода родили.

А Юрка все по девкам бегает. Ну и пусть! Он еще молоденький – всего 21-й годок стукнул.

Лизе было стыдно даже думать о том, что война сделала ее счастливой женщиной. Бабы до сих пор войну проклинают. А она молчит. Молчит и благодарит Бога за счастье, ей дарованное свыше. А может, это тятенька ей помогает, а может, Павел? А может быть, Боженька повернулся в ее сторону и решил, что хватит ей страдать. Настродалась!

Жизнь шла своим чередом. Смотрела Лиза на свою семью и не могла нарадоваться. Муж. Ну, что за муж! Такого нет ни у кого в округе. Одно слово – любимый. Старший сын шофером в лесхозе работает. Хозяин. Невестка – акушеркой в роддоме. Мальчонка подрастает. Младший сынок Юра школу закончил и училище железнодорожное, в армии служит, и не где-нибудь, а в Москве. В войсках внутренних. Скоро уже и домой вернется. Хотя хозяина из него не получится – все по собраниям комсомольским бегает, активничает, всегда впереди планеты всей, но парень он хороший, славный.

Смотрела Лиза на свою семью и боялась сплзнуть – ну не бывает всё так хорошо.

А вскоре приехала в гости фронтовая подруга, которая работала психиатром. Долго наблюдала за внуком Сашенькой и вдруг выдала Лизе: «У мальчика-то шизофрения». В отчаянии и ужасе выгнала её Лиза. А сама приглядываться стала – и стишки он не запоминает, и речь невнятная. Сколько ни ездили по больницам, все без толку. Возили к специалистам в Ижевск, в Ленинград – страшный диагноз подтвердился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.